

К. ЭРБЕРГ

О воздушных мостах критики

1

Знаменательных событий так много записывает теперь история искусства, так много отмечает эта добросовестная и добродушная история искусства неожиданного, что сестре ее, беспристрастной и суровой теории искусства, давно пора использовать накопившийся материал и дать отчет о событиях с точки зрения выяснившейся их ценности. Пора взяться теории искусства за свое зодческое творчество. Пора разобрать материал, сваленный равнодушной жизнью в одну общую грудку. Пора приняться за постройку новых воздушных замков.

Ибо что же, как не воздушные замки, строит теория искусства?

Если история ведет летопись художественным событиям вне зависимости от того или иного господствующего мировоззрения, то теория искусства никак не может — и не должна — оставаться независимой от общего философского мирозерцания ее носителя. Философия — теория мира — предопределяет эстетику — теорию искусства. Последняя же предопределяет критику.

Думы и чаяния современного человечества живы под звездой мистической философии. Такая теория мира глубже многого иного умеет ценить и лелеять область искусства, — мистическую по преимуществу. И современная теория искусства широко расправляет окостеневшие было крылья свои, вольные теперь более, чем когда либо. И вот, возникают воздушные замки. И уже перекидывает дерзко современная критика искусства с этих еще недостроенных замков свои легкие воздушные мосты прямо в жизнь, прямо на взрыхленный творчеством чернозем земного искусства. Радугами светят мосты эти.

А под ними бездна зияет иронически. Но пока не будем глядеть вниз. *Sursumcorda*^{<?>}. Полетим по звездам.

2

«По Звездам». Так озаглавлена новая книга Вячеслава Иванова, с интересом читаемая теперь не только его единомышленниками и друзьями, но и всеми, кому не чужды философские, религиозные и эстетические искания современности. Книга состоит из ряда статей, печатавшихся ранее в различных журналах, и охватывает период времени с 1904 года по нынешний. Если не все, чем жили мы эти шесть лет, то во всяком случае все отвлеченное, волновавшее нас за последнее время вместила в себя эта замечательная книга, и тонко, умно говорит с нами языком, достойным ее глубокого содержания.

То, что было сказано выше о неразъединимом взаимоотношении современной художественной критики (в широком смысле) с современной эстетикой и философией, — в полной мере иллюстрируется книгой Вяч. Иванова. Критика так тесно связана у него с эстетикой и с его религиозно-философскими идеями, вся книга вообще является столь компактной и цельной, что говорить о любой статье, в ней содержащейся, — значит говорить о всей книге, и, быть может, даже больше, — значит говорить о ее авторе. Какого бы вопроса ни коснулся он, тотчас же все кристаллизуется под его пером в строго законченные формы своеобразного его мировоззрения. В статье по литературной критике находишь строение кристаллов эстетических, в статье по эстетике открываешь то же самое строение кристаллов философских. Все держится крепким сцеплением частей. И в кристалльные воздушные замки эстетики Вяч. Иванова веришь, и легко в нихходишь по воздушным мостам его критики.

Вот великолепная статья «О Шиллере». Хотя написана она по случаю чествования памяти поэта в 1905 году¹, и, казалось бы, должна носить чисто критический характер, однако здесь затрагиваются все те же ценные и типичные для мировоззрения Вяч. Иванова эстетические вопросы о Дионисе, о дифирамбическом воодушевлении, о соборном начале. И все это как нельзя лучше объединено в одно архитектурное целое. Воздушный мост крепко соединяет здесь замок эстетики с земным своевольным искусством. Другой образец столь же цельного архитектурного

произведения является собою критическая статья «Байрон и идея анархии», где мысли Вяч. Иванова о проблеме свободы находят себе частичное подтверждение и иллюстрацию в разбираемой им поэме Байрона «Остров»². (Между прочим, наиболее блестящими страницами этой статьи необходимо признать исследование лирической гармонии байроновской поэмы.)

Но есть у Вяч. Иванова и такие критические мосты, ступить на которые решится не всякий: слишком уж неустойчивы они именно в месте примычки их к земле.

3

Возьму, как пример, блестящую статью о «Цыганах» Пушкина³. Общефилософские и эстетические взгляды и верования Вяч. Иванова неминуемо приводят его к необходимости делать в этой статье критические выводы очень неожиданные. Автор различает в поэме Пушкина «три формации, последовательное наложение которых, несмотря на художественную законченность произведения, внимательному взгляду выдает постепенность его вызревания и хранит отпечаток моментов душевного роста художника». Первая формация сводится к общему лиризму, вторая — к байронизму. Третью формацию характеризует преодоление Байрона и «торжество хора над утверждением уединенной воли: следовательно, по преимуществу сцена как бы хорового суда над Алеко в форме заключительной речи старого Цыгана».

Принцип соборного начала, о котором мечтает автор «Кризиса индивидуализма» в своих философских изысканиях, здесь на лицо. Но, говоря далее о пушкинском таборе, как об общине анархической, Вяч. Иванов придает этой общине тот характер религиозности и богопокорства, о котором Пушкин, на мой взгляд, и не думал, когда писал своих «Цыган». Мечты и чаяния Вяч. Иванова о соборности во имя любви к Богу так реальны, его вера в содержание этих чаяний так сильна, что незаметно для самого себя он переносит свои мечты и чаяния на пушкинские строки и придает им содержание совсем неожиданное и своеобразное. Вячеслав Иванов признает анархический союз лишь как общину, проникнутую одною верховною идеей, и притом идеей в существе своем религиозной. Такова, по мнению автора, община пушкинских цыган. И ей противопоставляет Пушкин, по мнению Вяч. Иванова, богоборство абсолютно самоутверждающейся личности Алеко.

Напрасно стал бы кто искать в этом исследовании документально подтвержденных доводов в пользу такого именно понимания Пушкиным своих «Цыган». Таких доводов в статье нет. Есть лишь убежденно повторяемое утверждение, что пушкинские цыганы живут «в глубоком и мудром согласии воли с волей, вольности с вольностью — и общей воли и вольности с волею Бога, благословляющего вольность. Утверждение это автор подкрепляет следующей строкою из «Цыган»:

Птичка гласу Бога внемлет...

Однако, ссылка на эту строку поэмы представляется тем менее убедительной, что приведена она Пушкиным в том месте, где говорится именно не о цыганском таборе, не об общине, но об Алеко:

Подобно птичке беззаботной,
И он, изгнанник перелетный,
Гнезда надежного не знал...

Не вмещает, по моему, также и пушкинский тип Алеко того содержания, какое придает ему Вяч. Иванов. Где подтверждение элемента богоборства в характере Алеко? Настойчивое, неоднократное утверждение имеется, но оно не подтверждено ни одной строчкой поэмы. Наоборот, у Пушкина, в приведенном выше сравнении Алеко с «птичкой Божией» имеются следующие стихи:

Проснувшись поутру, свой день
Он отдавал на волю Бога...

Прежде чем придти к своим оригинальным выводам по поводу пушкинских «Цыган», Вяч. Иванов разбирает ряд критических отзывов, порожденных этой поэмой, в том числе и известную пушкинскую речь Достоевского, с его знаменитой фразой: «Смирись, гордый человек, и прежде всего сломи свою гордость, смирись, праздный человек, и прежде всего потрудись на родной ниве»⁴ и т. д. Сличая мнение Достоевского о «Цыганах», с «подлинным свидетельством поэмы», Вяч. Иванов находит, что оно «наполовину принадлежит самому Достоевскому», который «слишком узко понял Пушкина». В таком же отношении к «подлинному свидетельству поэмы» стоит, по моему, и сам Вяч. Иванов, который, как мне кажется, понял Пушкина слишком широко.

И это очень знаменательно.

4

Знаменательно то, что каждый из нас, чтущих гений Пушкина, читает в пушкинских «Цыганах» своих «Цыган» и в этих своих «Цыганах» находит «подлинное свидетельство поэмы». *Ибо подлинно не то, что напечатано, но то, что по этому напечатанному прочтено.* Ведь только глупая веревка Хемницера есть «вервие простое»⁵, а мир — не простой мир, как Пушкин — не простой Пушкин. В глубинах его гения каждый из нас ищет и находит для себя то, что считает подлинным и ценным: Белинский — свое, Достоевский — свое, Вячеслав Иванов — свое. Всякий, кто имеет свои философские убеждения и эстетические воззрения, видит в мире свой мир и в Пушкине — своего Пушкина. Самородные взгляды в области искусства может высказывать лишь та критика, которая опирается на самородные эстетические и философские воззрения. Потому Вяч. Иванов, конечно, прав, когда он делает свои оригинальные выводы по поводу поэмы Пушкина, — прав, когда с воздушного замка своей эстетики перекидывает в жизнь свой красивый критический мост в стиле всего замка. Но прав также и тот, кто, надеясь на свои собственные зодческие силы, отказывается по этому воздушному мосту войти в его высокий замок. Красота же этого своеобразного моста прежде всего в оригинальности художественной чеканки отдельных его частей. Стоит только вспомнить, с какой тонкой изысканностью и удивительной меткостью открывает Вяч. Иванов никем, кажется, ранее не отмеченные фонетические достоинства разбираемой поэмы Пушкина.

5

Впрочем, на статье Вяч. Иванова о «Цыганах» я остановился сейчас лишь как на примере. Я взял эту во всех отношениях блестящую критическую статью только для того, чтобы показать, какие иногда прекрасные, но неустойчивые перекидывает критика мосты с воздушных замков своей эстетики и философии — в жизнь.

Однако, этот один неустойчивый мост, делает ли он неустойчивым и весь замок? Конечно, нет. Замок философских и эстетических идей Вяч. Иванова обширен и велик, много в нем зал, переходов и ворот с мостами устойчивыми и крепкими. И книга

«По Звездам» служит хорошим путеводителем по этому замку. Преобладающее значение в книге должны иметь, конечно, статьи по теории искусства. Таковы «Символика эстетических начал», «Поэт и чернь», «Копье Афины» и знаменательная в летописи русской литературной критики статья «Кризис индивидуализма». Сюда же следует отнести и весь третий отдел книги («Предчувствия и предвестия», «О веселом ремесле и умном веселии» и «Две стихии в современном символизме»). Все эти статьи, не исключая, конечно, и статей, носящих характер собственно критический, дают обширный материал для самостоятельных отзывов по поводу каждой из них, — задача, к которой я надеюсь еще вернуться, ибо подробный разбор книги Вяч. Иванова выходит за пределы нынешней моей темы. Нечего и говорить, что книга «По Звездам» с течением времени даст жизнь целому ряду самостоятельных книг и статей, — настолько она значительна и ценна. А сейчас она конечно вызовет бурные приветствия единомышленников, вызовет и страстные нападки идейных врагов. Но равнодушия современников она не встретит: слишком много в ней того, чем живо современное искусство. Это раствор, насыщенный идеями современности, раствор, в котором нет ни капли воды, но много пьянящей влаги, которая играет блестящей пеной красоты и изысканности умудренного культурой творческого духа человеческого.

<...>

9

Два диаметрально противоположных принципа лежат в основании критических работ двух прошедших перед нами авторов. У одного — уверенность и синтез нашедшего, у другого — безнадёжность и анализ ищущего. Один летит «по звездам», верит в звезды и при свете звездных лучей спокойно глядит на *realia*. Другого же — «звезды, как они ни сверкай и ни мерцай», не всегда то успокоят. Ибо в «сомнительных уголках» и на дне соблазнительных, иронически зияющих бездн вспыхивают и сгорают иногда такие солнца, такие солнца...

1909

